

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ЧУВАШСКОГО НАРОДА: ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ

В бытность прошлого главы администрации Чувашской Республики, был дано указание сформулировать «официальную концепцию» этногенеза народа. На фоне удручающего состояния сельского хозяйства в республике в эти годы, и экономической блокады сельского хозяйства Чувашии со стороны Минсельхоза России впоследствии, в околonaучных кругах Чебоксар возобладали идеи кочевого характера уклада чувашского народа. При этом никто в Чувашии серьезно и не собирался заниматься исследованием вопросов этногенеза. Например, ни одно савирское (сабирское) городище Дагестана не изучено археологами, а значит вопросы исторического взаимодействия сабир и гуннов до сих пор не исследованы. Для дагестанских археологов этот вопрос не актуален, так как не затрагивает историю ныне проживающих там народов республики.

Казалось бы, земледельческий уклад чувашей очевиден. О том, что основным родом занятий чуваш было земледелие, говорят практически все источники, само отношение чуваш к земледелию и их бытовое саркастическое отношение к земледелию соседних с ними народов. Уже неоспоримо доказано, что в «генофондном компоненте» чувашей выявлена их расовая смесь, состоящая из 89,1% европеоидной, 9,1% монголоидной, 1,8% – «неопознанные» [62]. При этом существуют исторические источники, прямо противопоставляющие савир гуннам. Не смотря на все это, в Чувашской Республике сложилась устойчивая традиция, на основе, практически, только одних языковых данных (часть чувашского языка имеет древнетюркскую (гуннскую) основу), отождествлять чуваш с ранними тюрками, а значит с кочевой культурой. Дело дошло до полного абсурда, чувашам была придумана юрта [19, 126].

Для того чтобы развеять наши сомнения, обратимся же к истории земледелия чувашей, попытаемся определить, какого все-таки виду укладового хозяйства традиционно придерживались чуваш и их предки? Какие этапы развития претерпел агрофитоценоз Волго-Камского края ВКК?

Распространение культурных растений на территории Европейской части России происходит еще в эпоху бронзы и раннего железа (Янушевич, 1981). Сегодня, с носителями этой культуры земледелия в Волго-Камском крае (ВКК) убедительно отождествляются угро-финские народы. «Земледелие на территорию Волжско-Камского края (ВКК) пришло на уровне подсечно-огневой системы 2,5 – 3 тыс. лет назад» [51, 88]. Первой земледельческой культурой у финно-угорских и иранских племен Среднего Поволжья была полба.

Этому предшествовали климатические сдвиги: «К концу суббореального периода (4500 – 2500 лет назад) в результате начавшегося похолодания роль широколиственных пород падает, возрастает участие сосны и березы. Увеличение влажности климата приводит к облесению территории, достигая

максимальных значений за весь период голоцена (70% пыльцы деревьев и 15% – трав). В это же время происходит окончательное становление серых лесных почв» [6, 148]. В то же время, в раннем средневековье наблюдалось отдельные экстремальные понижения температур. В «Хронографии» Феофана можно прочесть под 763 годом. «В этом году наступили жестокие морозы так, что Черное море с севера покрылось льдом, так что люди из Хазарии и Булгарии (Причерноморья) ходили по нему пешком» [52]. Пользуясь тем, что Северный Каспий стал замерзать, огузы по льду стали нападать на хазарские земли. 1100-800 лет назад в степях русской равнины (Дэшт-и-кипчак) «средне июльские температуры снижались на 1–1,5 градуса, осадки возрастали на 50-100 мм. Позднее установились современные условия» [30,175]. Однако в целом относительно теплым было время до 1200 года. Кроме того: «период раннего средневековья был, как правило, аридным» [10,49].

Таким образом, в климатических и природных условиях Волго-Камского региона начала первого тыс. н. э., начавшее развиваться земледелие еще не могло составлять основной вид жизнеобеспечивающей деятельности его обитателей, хотя оно уже активно начало оказывать влияние на фитоценоз Волго-Камья. Второй причиной является недостаточное развитие производительных сил человечества для освоения земель в более суровых северных условиях; «...к началу нашей эры основным занятием населения являлось оседлое скотоводство, охота и мотыжное земледелие» [47, 16].

В начале 1 тысячелетия у народов населявших Поволжье земледелие не носило характера основного вида жизнеобеспечивающей деятельности: «Наиболее древними культурами в ВКК является полба-двузернянка, ячмень, просо, то есть – так называемые крупяные культуры, а это означает, что происхождение хлеба в крае – явление более позднего времени» [51,77]. Таким образом, земледелие не являлось главным видом обеспечения потребностей жителей Волго-Камья до X века. К концу первого тысячелетия нашей эры зона пашенного земледелия смещается еще на север и начинает проходить по территории Среднего Поволжья [1, 85].

Эти процессы будут происходить и дальше. Мы все сегодня наблюдаем потепление климата в ВКК, начавшееся ранее, и которое будет продолжаться в ближайшие 50 лет [42, 95]. Уже сегодня Чувашия прочно вошла в зону укрывного виноградарства. Возможно, потепление сказывается и на изменении дикой фауны. А ведь еще в 30-е годы XX столетия на территории Чувашии наблюдались местные особи северного оленя.

Чуваши занимают земли, входящие сегодня в зону активного земледелия, и это не случайное совпадение. Исторически предки чувашей передвигались на север вслед за ее передвижением: 1 века н.э. – Кавказ; 1 тыс. н.э. Кавказ – Средняя Волга; 2 тыс. н.э. Средняя Волга. Исследования археологов, почвоведов и других подтверждают сообщение Страбона о том, что равнинная часть Кавказской Албании орошается лучше, чем вавилонская и египетские земли [27]. С XVII века, с ослаблением влияния кочевников,

ареал расселения народа, насколько это было возможно, вновь стал соответствовать зоне активного земледелия.

Следует отметить, что сегодняшний ареал обитания чувашей является закономерным для земледельческого народа. С запада земли за Сурой и с севера за Волгой, в отличие от земель Чувашии, испытали воздействие последнего ледника, стершего плодородный слой земли. Посевы, расположенные северо-западнее Чувашии, подвергаются угрозе вымокания [43,125]. Земли южнее Чувашии находятся в зоне все усиливающегося влияния засух [43, 154].

Если учесть, что при создании Чувашской автономной республики четвертому по численности в РСФСР народу достались мизерные земли без единого города, то даже в этом случае эти земли оказались на самом крайнем пике зоны активного земледелия. Северной Чувашии находятся земли, обедненные в последний ледниковый период. За Волгой начинается тайга. О грядущих изменениях климата еще в 70-е годы прошлого века предупреждали специалисты. Сегодня Чувашия уверенно вошла в зону укрывного виноградарства. Климат на широте Чувашии стал таким, каким он был на уровне Самары 25 лет назад.

В IX веке на Среднюю Волгу с юга начинает прибывать поток земледельческого населения, при этом наблюдаются два основных пути миграции: один с Северного Кавказа и Дагестана, другой поток с Кубани и территории нынешней Украины. На Средней Волге встречаются булгары и сувары, создав на территории Хазарского каганата в 860-е годы государство Нухрат Пайхар.

Основным орудием пахоты на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья оставалось деревянное рало с железным наконечником (Калоев, 1981. – С. 14). Этногамга сувар, чеканившаяся на их монетах, представляла собою не что иное, как изображение плуга. У серебряных булгар появляется тяжелый плуг с резцом, лемехом и отвальной доской, т.е. сабан. Этот плуг применяли с древних времен чуваша [4, 52]. Тяжелый плуг стал использоваться на Дону, Украине и Кавказе где-то с VIII в. «Наличие у булгарских земледельцев тяжелого плуга, приспособленного для вспашки задернованных земель, давало возможность использовать под зерновые культуры луговые степи» [58, 755]. Полное описание земледельческих орудий булгар можно найти в работе Хасана Демироглу [9, 55-69].

Чуваши кроме тяжелого плуга (*ака-пуç*) использовали соху – черкушу (*ч.рмелли сухапуç*), соху (*šax* "ветка, сук, рог" ново-персидский) – односторонку (*п.р аяклё п.р тимерл. сухапуç*), косулю (*чалйи*), облегченный плуг и однолемешный плуг (= *уракануç*) [53, 47].

Археолог А.П. Смирнов отмечал: «Из других элементов местной материальной культуры, восходящей к булгарам, надо отметить орудие для обработки земли – сабан, прототип которого обычен в болгарской культуре, а до недавнего прошлого бытовал и у чувашей. Его металлические части – лемех (*тёрен*) и резец (*шарт*) совершенно аналогичны болгарским...» [47, 84].

У болгар на Дону и Донце в 6 в. известна пшеница твердая и просо. По мнению П. Добрева «некоторые основные черты – полуоседлый образ жизни, навыки земледелия и некоторых ремесел протоболгары знали еще ранее до переселения в Европу (Халиков, 1995, с.17). Нет ничего удивительного, что в эпоху нашествий кочевых народов земледельцы могли более или менее спокойно трудиться в труднодоступных горных местностях и спастись от нашествий под защитой целой системы городов и крепостей. Именно таким местом и являлся Дагестан в эпоху раннего средневековья.

Продвижение в IX – X веках народов на Среднюю Волгу – это не просто перекочевка народа, это закономерный этап социоантропологического процесса, следующего за природно-климатическим. В чувашском эпосе об Улыпe о времени переселения предков чуваш из Дагестана мы можем прочесть. С Кавказа «сыновья пошли со своими стадами на север, не раз отбиваясь от нападений горных жителей. Через три дня они добрались до впадения большой реки в море, которую назвали Атал, а потом пошли вдоль реки, много раз отбиваясь от нападений степных и лесных жителей. Через семь лет сыновья Улыпы дошли, наконец, до слияния двух больших рек... Начали распахивать землю, сеяли яровые хлеба и озимую рожь» [11, 16].

Из растений, не свойственных для антропофитов ВКК, в чувашских деревнях наблюдается использование окультуренного варианта, свойственной для нижневолжских степей кохии венечной (*çanar* – чув.). Данная культура была принесена и окультурена в процессе передвижения чувашей с юга, через калмыцкие степи [12]. О том, носители какой земледельческой культуры были народы, возделывавшие земли Волго-Камского региона, мы можем понять из следующих заключений: «Биологический спектр сегетальной флоры ВКК (соотношение различных биогрупп) весьма сходны с таковыми флоры древнеземледельческих районов. Таким образом, и систематический, и географический анализы, а также соотношение между отдельными биогруппами показывают одно и то же: сорная флора полей ВКК несет заметный отпечаток флоры более южных областей, особенно районов древнего земледелия, а это означает, что древнеземледельческие очаги сыграли выдающуюся роль не только в формировании культурной, но и сорной флоры ВКК, а также всей умеренной полосы» [51, 80]. «Сорно полевая флора Волго-Камья самобытна, но в то же время четко проявляется ее связь с южным географическим обликом» [51,16].

Скученность поселений раннесредневековых дагестанцев, плотность заселения и интенсивность освоения земель находит сегодня аналоги на территории современной России лишь в Чувашии, занимающей третье место по плотности населения после Ленинградской и Московской области. В средневековье аналогичная интенсивность земледелия наблюдалась в Серебряной (Волжской) Булгарии. Раскопки в районе бассейн реки Черемшан навели Р.Г. Фахрутдинова на мысль «о наиболее плотной заселенности этих земель по сравнению с другими районами» (IX – X вв.). Это обстоятельство еще раз подтверждает вывод академика М.Н.

Тихомирова, что местонахождение первых городов Восточной Европы в гораздо большей степени обуславливалось их расположением не на торговых путях, а в районах интенсивного земледелия. «Именно развитие земледелия способствовало высокой концентрации населения в относительно небольшом районе» [56,11]. Это немаловажный фактор, для понимания неординарности этнического земледелия чувашей.

Концентрация земледельческого населения в Причеремшанье не было случайностью: «Согласно агропроизводственной классификации почв Среднего Поволжья, Мало-Черемшанский бассейн попадает в группу, включающую почвы с самым высоким естественным плодородием» [55,9]. «Именно развитие земледелия – основной отрасли болгарской экономики – способствовало высокой концентрации населения в относительно небольшом районе, которая в свою очередь в значительной степени ускоряла процесс общественного разделения труда и утверждения на этой основе раннефеодальных форм социальных отношений» [55,11].

Во времена существования Серебряной Булгарии изменяется характер флоры ВКК. Анализ спорово-пыльцевых спектров культурных слоев этого периода приводит к следующим выводам. Понижается содержание пыльцы древесных пород и повышается содержание пыльцы трав, в том числе маревых, полыней, злаков, разнотравья, а из древесных пород – липы и березы. Это может быть связано с освобождением лесных площадей под посевные культуры и началом крупных строительных работ и ведением активной металлообработки. Действительно, только в Волго-Камском районе болгары возводят около сотни городов, а еще почти столько же их строится в нынешних Пензенской области и Республике Мордовии.

Мы имеем несколько письменных документов повествующих о том, как в периоды неурожая болгары помогали зерном Владимиро-Суздальскому княжеству (1024 год), но не имеем источников указывающих на подобную помощь со стороны славян, что может указывать на не равный уровень земледелия соседей.

В 1230 г. в Смоленске от мора умерло 32 тыс. человек «кроме тех, что у церковей погребали» [57, 152]. Новгородцев спасли от голода немцы, к смолянам на помощь никто не пришел. Получается, что болгары спасли от голодной смерти население Владимиро-Суздальского, Рязанского, Муромского княжества и Черниговского княжеств и жителей западных районов Белоозера [49, 225].

Земледелие сувар (савир) прослеживается на протяжении всей истории их существования. У огурских племен земледелие развивается где-то к VI – VII в. Для сравнения славяне стали переходить к земледелию в VII – VIII вв. [25, 71]. При этом уклад славян можно охарактеризовать как охотничье-собираТЕЛЬский с элементами земледелия.

Исторические источники полны сведений об интенсивном земледелии огуров и сувар в Булгарском государстве. Сувар – на этой же реке. Жилищами в нем служат шатры; у суварцев обильные посевы и громадные хлеба» [21,4]. Аль-Гарнати (XII в.) сообщает о городе Саксине (Ас-Сувар)

упоминает и бахчеводство: "И у них столько разных сортов фруктов, что больше не бывает, и в том числе чрезвычайно сладкие дыни, и есть сорт дынь, который держится зимой" [2].

Ахмедом ибн-Фадлан написан во время своего пребывания на Волге среди болгар (922 год): «Пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя...». «...Они делают из ячменя похлебку, которую хлеблют девушки и отроки. А иногда варят ячмень с мясом, причем господа едят мясо, и кормят девушек ячменем. Но если (это мясо) бывает голова козла, то (девушки) получают (возможность) поесть мяса» [24].

О земледелии у болгар нам дошли сведения от путешественника 10 в. Ибн – Даста (Ибн Русте – *прим. Д.М.*): «Болгаре народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и др.» [54, 24]. Историографию подтверждает археология: «В 1957 г. при раскопках дома (в Болгаре), по комплексу находок и стратиграфически отнесенного к домонгольскому периоду, были найдены зерна мягкой пшеницы, полбы, проса, ячменя, ржи, овса, а также гороха, т.е. большинства культур, которые были известны в золотоордынское время» [28, 219].

Ад-Димашки (ум. в 1350–1420/29) описывает разнообразие возделываемых культур болгар, сохранившихся отчасти во времена монгольского владычества: «Эта страна (Улус Джучи – *прим. Д.М.*) (одна) из самых больших земель (обилующая) водою и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется в ней (хлеб), но они (ее жители) народ бродящий и кочующий, обладающий скотом; у них нет (никакой) заботы о посевах и посадках. До покорения ее (этой страны) Татарами, она была повсюду возделана, теперь же в ней только остатки этой возделанности. В ней (растут) разные деревья, разные плоды (как то): виноград, гранаты, айва, яблоки, груши, абрикосы, персики, и орехи. В ней (есть) плод, который на языке Кипчакском зовется батенк (баденджан?), похожий на винную ягоду. Плоды, существующие у них в настоящее время, суть остатки того, что погибло из насажденного теми, кто был до них из таких (людей), у которых страсть к посевам и насаждениям. (Впрочем еще) многое на лицо (т.е. существует) в горах их и в имеющихся городах, не смотря на множество того, что погибло. Что касается дыни, то она потребляется (?) у них чрезвычайно, и более других желтая порода. Она сохраняется и имеется у них в продолжение (целого) года. Она имеет чрезвычайную сладость и приятный вкус, а вместе с тем рассказывается много об изобилии и дешевизне ее. Некоторые из них выжимают сок ее и вываривают из него халву (сладость). В их городах разводится много овощей, как то: брюква, репа, капуста и другия» [50, 233–234].

Современные исторические карты (XI – XIII вв.) показывают лишь гигантское белое пятно на территории Европейской части России. Но в эпоху развитого средневековья уже все земли были поделены. Сегодня специалистами уже доказано, что болгарам принадлежали территории от Урала до верховий реки Воронеж и на юг до Кавказа и это еще далеко не все,

что известно об этом государстве. Основное вторжение монголо-татарских войск началось в 1223 году и, война фактически не прекращалась для болгар до 1236–1242 гг.

По завету Чингиз хана, все городское и земледельческое население должно было быть истреблено, а их земли превращены в кочевья. Этой линии придерживалась христианская и буддистская партия Улуса Джучи, за сохранение городского и земледельческого населения выступали мусульмане и представители традиционных вер. По данным, представленным В.В. Бартольд, наиболее ярко линия политики истребления земледельцев проявилась при завоевании северного Китая, когда монгольская кочевая знать добивалась от Чингиз-хана (не решившегося, впрочем, на такую крайнюю меру) приказа перебить все оседлое население до единого человека, а земли обратить в пастбища для кочевников. В Семиречье поселение больших масс монгольских и тюркских кочевников действительно привело к почти полному исчезновению в течение XIII в. городской жизни и оседлых земледельческих поселений в этой стране. Между этими двумя направлениями велась глухая борьба. Монгольская военно-кочевая знать препятствовала восстановлению разрушенных городов и против каких бы то ни было уступок оседлому населению [61].

В результате монгольского вторжения земледельческое население вынуждено было бежать в леса [55, 9]. В XIII веке с разгромом монголо-татарами Серебряной Булгарии резко начинает изменяться характер землепользования в ВКК: «Как теперь установлено археологами, на территории Пензенской, Самарской, Ульяновской областей, Закамской части и прибрежных юго-западных районов Татарстана, юго-восточной части Чувашии осталось около 2000 пепелищ (сожженных городов, сел и деревень)... Выясняется, что в результате монголо-татарского геноцида из чувашей (пулкар) сохранилось приблизительно 1/5 часть населения» [13].

Остатки земледельческого населения, еще пытавшихся как-то закрепиться, добил поход Тамерлана, после которого бывшие развитые земледельческие районы ВКК окончательно превращаются в дикую степь. Происходит массовый отток населения на север ВКК. Земледельцы вынуждены были спасаться в лесных чащобах: «Пашни, покинутые населением в связи с монгольским нашествием и последующими налетами монголо-татар, везде заселились сперва березой и осиною, а затем вытеснившими их широколиственными лесами. Это обстоятельство привело к тому, что на всей территории, находившейся под монголо-татарским игом, береза и широколиственные насаждения второй раз в послеледниковую эпоху получили максимальное распространение, но меньшее, чем в первый раз» (Андреев, 1971, с.243). «Начало второй зоны субантлантического периода характеризуется частичным восстановлением облесенности территории, что связано с полным прекращением хозяйственной деятельности человека начиная с XIV до XVII века нашей эры» [6, 50].

«По преданиям известно чувашам, что они были у татар в подданстве и жили почти в непроходимых лесах, выбирая себе по произволу для

жительства или готовые чищобы, или сами расчищая для себя вновь понравившиеся им в лесу места. Единственное вооружение их состояло в стрелах, которыми они убивали мелких зверей и своих неприятелей, а дичь ловили петлями. Имели довольно пчел, по жительству в лесных местах: мед был у них в изобилии, так что во время охоты, заходя к кому-либо в дом в небытность хозяина, смело наедались его мзду и в знак благодарности втыкали в медовые кадки свои стрелы, по древнему будто бы их обыкновению. У жителей лесных хлебопашество было в незначительном виде; не было у них и гумен, а молотили хлеб в поле, как ни попало, который отправляли на продажу не на телегах, как ныне, а навьючив мешки на лошадей, как степные жители; о телегах же и понятия будто бы не имели» [36, 52].

Но даже в условиях тотального геноцида, остатки булгаро-сувар постепенно, расчищая леса, сохранили свой основной уклад жизнедеятельности. Так описывал А. Курбский чувашей встреченных во время поход на Казань: «а сел со живущими зеле мало, понеже у них села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и поблизку ходящим. И ту уже нам привожено и, по странам ездя, добывано купити хлеба и скотов... Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных колачей, обретется...» [36, 17].

Во время войн Московского княжества с Казанским ханством многие земли на пути движения войск к Казани приходят в запустение. Несмотря на это, большинство чувашей добровольно присягают на верность Московскому князю Ивану Грозному; положив начало отсчета истории Российской Империи. И с этой точки зрения, часто звучащее в последнее время определение «государствообразующая нация» вполне может относиться и к земледельцам-чувавам, придавшим значительный экономический импульс Московскому княжеству. Благодаря укреплению экономики князь Московский, Иван IV, смог содержать более крупное войско.

Среди чувашей по соборному Уложению от 1649 года запрещалось покупать землю для поместий. Поэтому чуваша не знали над собой позора помещичьего угнетения и оставались «государевыми людьми». Но опасность для земледельцев представляли монастыри, захватывающим их земли: «земель и угодий у крестьян едва достает на их личное существование. Между тем власти приписывают к ним всякого рода прозелитов христианства, вследствие чего сокращается общая площадь земли и прежняя доходность...» [37, 49].

«Новый импульс к переселению чувашей дали восстания татар и башкир в начале XVIII века, а также целая серия указов о насильственном крещении народов Поволжья. «В течение восстания из Казанского уезда в башкирские степи сбежало более 10 тысяч ясашников, только нынешней зимой ушло еще 4000 крестьян» – писал П. Апраксин своему брату-фельдмаршалу 3 июня 1712 года. В 1710 году число жителей (мужчин) сократилось на 27540 человек, из них 10476 находились в бегах (с. Алишев), к 1730 году количество беженцев в башкирские земли возросло до 60000 мужчин. «В

донесении от 22 февраля 1709 г. казанский губернатор Г.М. Апраксин сообщал царю Петру 1 следующее: «в прошлых 1708 – 1709 годах воров башкирцев и от изменщиков татар в Казанском и Уфимском уездах русских сел и деревень разорено и пожжено. Людей побито и в полон побрано, и в осадах от духоты и морозов померло. Новокрещенных иноверческих, кроме татар, 59 деревень, у них пожжено 420 дворов.... Всего в Казанском уезде побито и в полону 10004 человека» [59, 34].

В южные районы ВКК, несмотря на постоянные нападения кочевников вновь начинает стекаться земледельческое население. Казанский летописец, восторгается благодатными землями ВКК: «Мѣсто пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами сѣмяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодыя, яко не обрести можно другаго такова мѣста по всей Руской землѣ нигдеже, подобно такову мѣсту красотою и крѣпостию и угодемъ челоувѣческим, и не вемъ же, аще есть в чужих землях» [40, 10–11]. Чуваши вновь стали осваивать заброшенные до того земли в степных районах Чувашии и далее. Массовое земледельческое освоение района ВКК стало возможно только после строительства в 30 – 40 гг. XVIII в. Самарской засечной линии: «Начинается бурная колонизация плодородных земель: леса уничтожаются, освободившиеся площади используются под пашню» [58, 59]. Подобная же картина наблюдается в Татарии и Чувашии.

По указу императрицы Анны Иоанновны от 1737 г. было велено «с татар и прочих иноземцев пашенных брать хлебом же против того, как на русских положено, вдвое; ибо оне, как довольно известно, что жителство имеют весьма в хороших хлебобродных и удобных местах» [8, 145]. Смуты, походы карательных отрядов и неурожай привел к сильному голоду в Поволжье в [1734–1735 годах](#). Еще более губительным для народа оказался голод 1921–22 годов. Дело в том, что обычно чуваши приспособились к тому, что их постоянно кто-то грабит, а потому обмолачивали не весь хлеб. Необмолоченные скирды могли храниться от 3 до 5 лет. Людей, обладающих таким богатством, называли «*рме пуян* "гниющий богач". Грабители уносили зерно из амбаров, а вот скирды они унести не могли, благодаря этому и выживали земледельцы. Неурожай 1921–22 годов, наложился на продразверстку, по которой усердные чиновники новой власти выгребли даже семенное зерно. Но и этого показалось мало, нижегородские 25-тысячники вывезли и необмолоченные копны, и вот уже тогда начался настоящий мор.

Освоение заброшенной земли, как показал в своей работе «Инородческое население прежнего Казанского ханства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель в это время» Н.А. Фирсов происходило под влиянием еще следующих причин. «1) понижения социального статуса служилого населения, повлекшего за собой ухудшение экономического состояния; 2) роста помещичьего землевладения как фактора, вынуждавшего крестьян искать другие места жительства; 3)

массовой христианизации «инородцев», которая привела к бегству, так и к санкционированным перемещениям крестьян» [59, 5].

Стремление чувашей к земледельческому труду, невзирая на все препятствия, не раз отмечено исследователями: «Татарское иго не уничтожило земледелия чувашей. Наоборот, они при всякой возможности, старались увеличить площадь землепользования. Нередко основывали новые поселки «на диком поле»; селились «на мордовских землях и на вымораках»; обрабатывали их «без грамот», т.е. основывали новые деревни без уведомления правительственной власти, с целью отбыть от платежа оброка за землю» [38, 170]. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, занятие земледелием было невозможно, чуваша находили способы продолжать свое дело: "Сказывают, что при речке Кондурче начали некоторые из них (калмыков), хотя и не сами, но наемными работниками, пахать землю и хлеб сеять, даже не больше, сколько потребно им для домашней нужды" [59, 57; 39].

Мы показали в общих чертах исторические процессы, повлиявшие на агробиоценоз ВКК. Теперь рассмотрим более детально, в чем заключаются наиболее характерные признаки земледелия чувашского народа.

Важнейшим показателем земледельческой культуры народа является его ритуализированный календарь. Аграрный цикл прослеживается в названии месяцев года; *asále* (ПВК) – «год», *swl* (сев.-зап.-кавк.), *сул* (чув.) – «год» (Дьяконов, Старостин, 1988). Апрель /*ака*/ – «месяц сева», май /*су*/ – месяц всхода ростков, вылупления птенцов, время когда нельзя ничем беспокоить природу — *синсе*. Июнь /*ç.rtmel*/ «хёр уйёх.» месяц свадеб и праздников. Июль /*утă*/ – сенокос. В августе /*сурла*/ – (серп) уборка хлебов сопровождалась ритуалами. На полевые работы чуваша выходили в праздничных одеждах и украшениях.

Если мы сравним данный аграрный цикл с аграрным циклом месяцев древнейших земледельцев, то увидим ту же картину. Новый год хатты и хетты отмечали праздником Килам, сопровождавшийся приношением в жертву «года» Также и чуваша начинают новый год с празднования Калам (*калăм хывни* – жертвоприношение (чув.)). Вслед за этим праздником следовал хеттский праздник первой съедобной травы, подобная традиция наблюдается и у чувашей, выходящих весной на сбор *серте* (снять) и молодой крапивы. Древние шумеры и субарты также справляли ритуал первой борозды *akitu* (давать жизнь) или «*akitu* сева Нанны», представленного в виде быка с голубой бородой [3, 129]. Празднику «жатвы бога Нанны» у чувашей соответствует «*вырма*». И так же, как у чувашей поминальный месяц *юпа*, существовал поминальный «месяц отцов» – аттанашве (*ate, ataj, atta* – (хур.)), «отец»; атте – отец (чув.) [7, 99: 16 373]. Самый короткий день в году у чувашей назывался *Çётне кун* (день Сета). Отметим, что в Месопотамии *akitu* справлялся второй раз после уборки урожая, так как начинался второй сезон сева.

Космогония также является показателем уклада народа. Так, в мировоззрении архаических культур мир мертвых представлялся, как

улучшенное отражение мира живых. Руническая надпись тюрков 8 в. со стелы из Алтынкель 2 наглядно демонстрирует нам эти представления: «...Я не вернулся Доблестные булсары такими вот (героями) были. О, горе! Я ушел в Золотую степь» [23, 262]. Если же мы обратимся к чувашской космогонии, то увидим яркий образец мышления земледельца. Мир мертвых в представлении земледельцев так же являлся отражением мира живых. Во время поминальных молений у чуваш произносилась следующая молитва: «*пирён, вилсен, леш тёнчере те şаканти пекех ака-суха туса, ёşk.-şikё туса турйнасчё* (нам по смерти на том свете, как на этом, земледелием занимаясь, празднуя праздники жить бы)». В молитве-наказе для шабти древних египтян так-же прослеживается представление о перенесении их основного жизнеобеспечивающего занятия в загробный мир. «...Если прикажут мне сделать любую работу, из тех, что назначены душам в загробном царстве, внемли, ибо тебя призову к ответу, и пусть во все времена ответственность падет на тебя вместо меня, будь то при посеве, наполнении каналов водой или перенесении песков востока на запад» [5, 141].

Земледелие чувашского народа исстари привлекало внимание многих исследователей: «Чувашское сельское хозяйство очень похоже на ферменное как по сосредоточенному его положению, так и по порядку и успешности производства», – заметил в свое время Риттих [41, 76]. Само название долины у чувашей восходит к субаро-хурритскому кругу: *Awar*, ^k/*xawr* (хур.) поле, надел [16, 193] > *вар, тарйнвар, хир* (чув.) «долина, ложбина, земля, поле, глубокий овраг» > кыр (тюрк.) «поле». А вот название поля, по-видимому, пратюркского происхождения.

Очаги расообразования совпадают с центрами происхождения культурных растений. «Ареал расселения южных монголоидов совпадает с индо-китайским очагом.... Особый расовый тип характерен для народов Средиземноморья.... Совпадение их могло образоваться за счет того, что оба процесса – расообразование и введение растений в культуру – протекали на совпадающих географических территориях» [1, 35]. На примере полбы, попробуем выяснить, к какому центру происхождения культурных растений тяготеет эта культура. Академик Вавилов особо выделял народы, возделывавшие злаковую культуру древнейших земледельцев полбу – *эммер* /*T. diccосum*/. «Совершенно определенно остатки древней полбяной культуры в Старом Свете связано с этнографической картой. В СССР полбу возделывают татары, башкиры, чуваш, вотяки, на Кавказе – яфетиды: армяне, горцы, грузины, пшавы, тушины, рачинцы, хевсуры, осетины.... Полбяная культура удержалась, таким образом, у народов, сохранивших с глубокой древности свои обычаи и культуру. Исследователь чувашей В.С. Сбоев /1856 г./ так и называет их «носителями древности» [44, 28].

Из таблицы, приведенной в работе Вавилова, можно сделать вывод, что прикамская полба морфологически ближе всего стоит к закавказской (13 признаков из 11-ти), по 11 признакам к персидской, в 5 случаях отлична от всех групп или служит переходной ступенью от кавказских к европейским

сортам. Отсюда можно сделать вывод о древнейшем Закавказско-Иранском влиянии на земледелие ВКК.

Полба возделывалась в обширном районе Прикамья, в Среднем и Нижнем Поволжье, главным образом чувашами, а так-же татарами и мордвой. Статистические данные 1916 г. показывают, что из 210,8 тыс. десятин полбы, которые высевались по всей Европейской России, на долю Средневолжского района приходилось 159 тысяч десятин» [51, 67]. Активное возделывание полбы, древнейшего вида возделываемой культуры действительно указывало на древность земледельческих традиций. Но следует учесть, что в ВКК полбу возделывало местное население задолго до прихода сюда булгаро-сувар, и возделывали ее народы, в чьем укладе земледелие не занимало ведущего положения.

По мнению В.В. Туганаева, главным доказательством принадлежности народа к культуре древнейших земледельцев на сегодняшний день является наличие следующих сортов семян в традиционной агрикультуре народа: просо мелкозернистое, горох мелкозернистый, полба карликовая – двузернянка, бобы конские мелкосеменные, чечевица. Именно эти пять видов культур возделывали чуваша и, отчасти, распространяли их на своих ближайших соседей.

Полба (*пӑри*) – древнейшая земледельческая культура человечества. По-видимому, в чувашском языке сохранился реликт древнейшего названия полбы: *utte* (хурритский) > *y* (*u*) (лакский) > *um̃* (чув.) «сено». Само же название полбы в чувашском языке относится к праиндоевропейской форме: **bhar(e)s* (ПИЕ) «ячмень» < *пӑри*, *пыри*, *пӧру* (чув.) – полба.

Она бывает двух видов: однозернянка и двузернянка. Наиболее древний вид полбы однозернянка (*Triticum monosocum*). На бытование в чувашской агрикультуре полбы однозернянки указали в свое время многие специалисты, в том числе и Н.В. Никольский [38, 187–188]. Но и возделывание двузернянки является надежным показателем древности агрикультуры народа. Начиная с IX века полбу стали возделывать и финно-угорские народы Среднего Поволжья.

В то время считалось, что полба встречается исключительно в армянских селениях Хамадана. Сегодня установлено, что это древнейшая агрикультура была известна с 8 тыс. до н.э. в Месопотамии. Н.В. Никольский вполне справедливо отмечает, что "полба является древнейшей чувашской культурой; когда-то, в доистории, чуваша, несомненно, живя с современными возделывателями, составляли общую семью, что доказывается бесспорными данными, сравнительно-исторического языкознания" [38, 187–188].

Пленчатый и голосемянной ячмень (*урпа*) возделывался предками чувашей с древности. Ячмень использовали для изготовления лепешек *пашалу* и блинов *икерчӗ*. Лучшие сорта перемалывали в перловую крупу [38, 187–188].

Ячмень использовался для приготовления пива *сӑра*, также являвшего древнейшим напитком земледельцев. Наиболее ранние свидетельства его

производства относятся к 5 тыс. до н.э. (Халафская археологическая культура). Пиво являлся поистине национальным напитком чувашей. Практически при каждом чувашском дворе была своя пивоварня. О древности использования этого напитка свидетельствует тот факт, что в русском языке все термины, связанные с пивоварением чувашского (булгарского) происхождения: хмель – *хӓмла*, солод, сусло.

Древность чувашского земледелия подтверждается и этнографическими материалами, так жертвенным приношением во время молений является *тултармӑш* блюдо, состоящее из отварной крови жертвенного животного смешанной с ячменной крупой. А вот набор *хаймалу* – жертвенных печеных изделий из теста и творога. *Юсман* – мука, перемешанная на крови жертвенного животного. Представляет собой печеные хлебные шарики 3–5 см в диаметре. *Юсман* служит приглашением в гости. *Юсманы* разносили по домам по количеству *юсманов*, определялось, сколько приглашенных ждут в гости для проведения обряда. *Юсманы* давали есть детям, что служило одним из обрядов посвящения в веру.

На празднование *Ўлӑк кунӗ* (21–22 июня) пекли следующие *хаймалу*: *капартна* – из дрожжевого теста; *кӑлинтӑр* – маленькие фигурные хлебцы; *пӳремеч* – вариант творожной ватрушки; *йӑва* – из слоеного теста в виде гнезда со сладостями; *икерчӗ* – ячменные блины, *пашалу* – ячменные лепешки.

«С незапамятных времен у Чуваш ведется обычай, окончилась молотба, оставлять в шишах по одному необмолоченному снопу. Это жертва птицам небесным и вместе знак, что хозяин гумна кончил свои тяжкия работы и что добрый гость не будет ему в тягость, а напротив, доставит ему случай и удовольствие выпить с дорогим "досомъ" или любезнейше знакомцем лишний ковш пива, с обычным доброжелательным восклицанием: *тав сана* (здоровье твое!) [44, 46–47]. На гумне у центрального столба чуваша оставляли один несжатый сноп. Весной в праздник первой борозды (*акатуй*) это сноп с почетом выносился для проведения ритуалов. Не заметив в этом обряде религиозной составляющей, это действие не было запрещено властью и практиковалось и в колхозах.

Это замечательное наблюдение В.А. Сбоева, соотносится с древнеземледельческим обрядом оставления последнего снопа Нанны. Древнейшие земледельцы Месопотамии считали, что в этом снопе живет дух будущего урожая.

"Кто бывать в чувашской стороне, тот не мог не заметить, что Чуваша смышленные, усердные, отличные земледельцы. Почти ни у одного из них не останется неудобренным его участок; ни один из чуваш не потерпит, чтобы хлеб у него был сжат, свезен на гумно и обмолочен несвоевременно. В этом отношении они далеко выше здешних русских крестьян" [44, 41]. "Если Вы в исходе Ноября или Декабря не заметите на гуннах ни одной хлебной копны, а только увидите воткнутый на верхушке каждого овинного шиша необмолоченный сноп; то смело заключайте отсюда что это селение чувашское, а не татарское, и не русское. Если же на одних гуннах заметите

копны немолоченного хлеба, а на других одну солому и неизбежный сноп на верхушке шиша; то примите это за несомненный знак, что тут вместе с Чувашиами живут либо Русские, либо Татары..." [44, 46].

К 1924 году посевы чечевицы у чувашей занимали лишь 1,5 % посевных площадей [38, 194]. Но сам факт использования этой древнейшей агрикультуры, также неопровержимо свидетельствует о древнеземледельческих традициях народа связанных с Кавказским ареалом их происхождения. Так, в Дагестане сохранились эндемичные сорта бобовых, среди которых фигурирует и чечевица [20].

Рожь (*ыраш*) – само название этого вида зерновой культуры в чувашском языке праиндоевропейского происхождения: *rughio- (ПИЕ) «рожь» < ыраш (чув.) рожь, но, возможно и «добрая еда». «Самое понятие хлеб *çăкăр* считался и считается синонимом ржаного хлеба»; «Чуваши далеких стран поддерживают связь со своей метрополией в обрядах при помощи символа: ржаного хлеба» [38, 178–179]. Собственная рожь чувашей адаптированная к местным климатическим условиям, отсюда упорствование их в посадках новых сортов ржи.

О достоинствах посевов проса (*вир*) в чувашской среде красноречиво описано в книге Н.В. Никольского [38, 178–192]. Однако, по мнению автора, до революции 1917 года эта культура слабо практиковалась чувашами.

Сам подход к земледельческим работам чувашей довольно сильно отличался от подходов их соседей. По сведениям Сбоева каждый год русские выбирают свой участок по жеребью: "Не зная, кому какой участок должен выпасть по жеребью, русские крестьяне и не думают удабривать свои поля навозом; они обыкновенно свозят его с дворов своих в ближайшее к селам овраги, от чего в русских селениях воздух в известные времена года начинен бывает такими благоуханиями, что и не дохнешь. – Напротив Чуваши делят свою землю на участки только после народной переписи и пользуются ими уже до следующей ревизии, если только в том или другом семействе не произойдет убыли. Таким образом Чувашенин смотрит на однажды доставшийся ему участок, как на свою по крайней мере двадцатилетнюю неотъемлемую собственность, и всегда тщательно удобряет его навозом, который нередко даже покупаете у соседних русских крестьян, свозит с своего загона камень, продумываете на межах канавки для стока воды, если загон расположен по низменному или покатоному месту. Очень естественно, что такая заботливость всегда за исключением обще-неурожайных годов оканчивается счастливыми последствиями и что у Чуваш хлеб вообще родится лучше и в большем изобилии, чем у Русских" [44, 44].

Межэтническое соперничество всегда давало повод призадуматься и поучиться лучшему у соседей. Отношение к труду на земле складывается веками. Среди "дисциплинированных" мордовских и русских крестьян недоимщиков и нищих было гораздо больше чем среди чувашей. Под «дисциплиной» здесь понимается послушность указкам властей, когда и что нужно сеять. А у чувашских крестьян, по свидетельству краеведов, доходность хозяйства была самой высокой в Бугульминском уезде. В 80-х гг.

XIX века она составляла 30 руб. в год на одного жителя, в то время как у русских – 27 руб., татар – 28 руб., мордвы – 24 рубля. Это в сочетании с традиционной бережливостью чувашей обеспечивало им сравнительно безбедное существование [18, 135; 59, 120].

Огромный пласт народных примет и наблюдений о погоде обязательно свойственен народам, занимающимся земледелием. И в этом плане чувашский пласт наблюдений о погоде поражает своей содержательностью. В 1870 году доцент Казанского университета И.Н. Смирнов утверждал в своей публичной лекции: «...чувашаи сделались почти оракулами в Казани. В конце марта все казанцы начинают спрашивать вас: скоро ли вскрыется Волга, не слышали ли, что говорят об этом чувашаи? Странно это или нет, но чувашаи почти не ошибаются в своих предсказаниях» [46, 3].

"Сами русские крестьяне не только сознаются в этом, но даже верят, будто Чувашаи и Черемисы одарены чудною способности еще осенью предсказывать, каков должен быть урожай следующего года. И действительно у Чуваш от одного поколения к другому в точности передаются наблюдения над приметами и условиями бывшего в тот или другой год урожая или неурожая. Собрание этих наблюдений и составляет их агрономическую теорию" [44, 41]. Далее В.Н. Сбоев приводит рассказ о том, как поп пытался заставить чувашей сеять озимые, но те наотрез отказались от его наставлений, посадив их в свое время, В результате озимые попа погибли съеденные червями, а чувашаи получили хороший урожай.

Сбоев приводит пример безошибочного определения погоды чувашами, при этом ведущую роль в этом играет не личный талант знатока, а народная традиция, передаваемая из поколения. Так, по его рассказу, чуваш "Айдаровской волости, по имени *Кирка Михалы* (т. е., Михаила Кирилова), которому общее и наше Русских приписывает удивительную способность накануне предсказывать ведро или ненастную погоду следующего дня" [44, 43].

Об уникальности антропогенного агрофитоценоза в Чувашии говорит следующий факт. «Коэффициент ранговой корреляции Кэндела таксономической структуры сравниваемых флор (антропофильных) Чувашской АССР превышает почти все параметры Волжско-Камского, Ярославского, Московского, Удмуртского, Башкирского, Южного Заволжья, Южной Туркмении» [51, 15]. Ареал проживания чувашей не является зоной пересечения множественных путей, сюда не могли случайно быть занесены сорняки. Большое видовое разнообразие сорняковых растений, сопровождающих агрикультуру чувашей, не свидетельствует о слабой ухоженности их полей. Напротив, ухоженность полей и огородов чувашей во все времена было визитной карточкой этого народа. Столь большое видовое разнообразие сорняковых, объясняется лишь одним, чувашский народ неординарно долго в историческом плане занимался земледелием относительно всех окружающих его народов.

Таким образом, чувашский народ по всем характеристикам относится к группе народов, чей уклад берет истоки в древнеземледельческом обществе.

Центром происхождения чувашского земледелия можно с уверенностью назвать Кавказ и междуречье Тигра и Евфрата 5 – 3 тысячелетия до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. – М., «Мысль», 1985. – 236 с., карт., схем.
2. Ал-Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. ред. Монгайт А. Л. – М. 1971. Андреев С.И. Почвы Чувашской АССР. – Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 1971. Т.1. – 358 с.
3. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М., Наука. –1984. – 262 с.
4. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Т. IX. – Чебоксары, 1994. –320 с.
5. Бадж Уоллис Е.А. Путешествие души в царство мертвых. Египетская Книга мертвых. – М.: Золотой век, 1995. – 434 с.
6. Благовещенская Н.В., История растительного покрова Присурья в голоцене с. 45-50 //Димитриев А.В. Материалы 1 межрегионной бассейновой научно практической конференции «Изучение природы и биоразнообразия Присурья Научные труды Государственного природного заповедника «Присурский». Т.1. – Чебоксары – Атрат, 1999. –148 с.
7. Вильхельм Гернот. Древний народ хурриты. – М. : Наука,1992. –157 с.
8. Выйкина А.В., Григорьева Г.И., Никитина А.П., Ткаченко В.Г. История родного края. Хрестоматия. – Чебоксары: ЧКИ, 1993. – 412 с.
9. Демироглу Х. Земледельческие орудия в Волжской Булгарии // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. – Чебоксары, 2–3 декабря 2011 г. – Чебоксары: Таус, 2012. – 312 с.
10. Демин В.А., Демкина Т.С. Природная среда восточноевропейских степей в древности и средневековье // Экология древних и современных обществ. Тез. докл. конф., посв. 272-летию РАН, 18–19 ноября 1999 г. – Тюмень : Институт проблем Севера СО РАН, 1999. – 246 с.
11. Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания. Вып.1. Ч.1. – Чебоксары: ЧКИ, 1983. –112 с.
12. Димитриев А.В. Новые натурализовавшиеся заносные растения во флоре г. Чебоксар // Смирнов П.С. Проблемы рекреационных насаждений. – Чебоксары, б/и, 1984. – 145 с.
13. Димитриев В. Д. Старинный чувашский календарь и единицы измерения // Культура Чувашского края. – Чебоксары: ЧКИ,1992. – 350 с.
14. Димитриев В.Д. История чувашей. Официальная версия // Чăваш Ен, 1992. – №46.
15. Димитриев А.В., Ефейкин Д.П. К познанию динамики антропофильного элемента флоры Чувашской Республики // Экологический вестник Чувашии. Вып.11. – Чебоксары, 1996. –129 с.
16. Дьяконов И.М. Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков // Переднеазиатский сборник. Вып.1. – М., 1961. – 606 с.
17. Дьяконов И.М. Люди города Ура. – М.: Наука. –1990.
18. Змиев Л.Ф. Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. Дисс... докт. медицины. – М., 1883. –135 с.
19. Иванов В.П., Фокин П.П., Трофимов А.А., Матвеев Г.Б., Кондратьев М.Г. Этническая история и культура чувашей Поволжья и Урала. – Чебоксары, НИИЯЛИЭ, 1993. – 268 с.
20. История Дагестана. Отв. ред. В.Г. Гаджиев. Т.1. – Махачкала, 1967.

21. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. (СМОМПК) Вып.38. – Тифлис: Издание Управления кавказского учебного округа, «Типография Канцелярии главноначальствующего гражданской частию на Кавказе и К. Козловского», 1908.
22. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., Наука, 1981. – 247 с.
23. Кляшторный С.Г. Стеллы Золотого озера // Кононов А.Н. Turcologica. – Л.: Наука, 1976. – 363 с.
24. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета имени А.М. Горького, 1956.
25. Корелюк В.А. Славяне и восточные романсы в эпоху раннего средневековья. – М., 1985.
26. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. – М.: Наука, 1982. – 236 с.
27. Кошеленко Г.А. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. – М.: Наука. – 1985.
28. Краснов Ю.А. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округа // Федоров-Давыдов Г.А., Город Болгар. – М.: Наука, 1987. – 23с.
29. Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Природные условия обитания раннеэнеолитических племен лесной зоны европейской части СССР // Палеоэкология древнего человека. – М., 1977.
30. Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов русской равнины. – М.: АН СССР Институт географии, 1991.
31. Курбский А.М. История о великом князе Московском. – СПб., 1913.
32. Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда в СПб. – СПб., 1876.
33. Мадуров Д.Ф. Тип уклада чувашского народа и его роль в экосистеме Волжско-Камского края с.65-84 // Экологический вестник Чувашской республики. – Чебоксары: Издательство «Чувашия», 2000. – Вып. 20. – 109 с.
34. Мадуров Д.Ф. Выверка уклада чувашей на примере артефактов культуры // От истории природы к истории общества: прошлое в настоящем и будущем: Приложение к вестнику Российского философского общества. Материалы научной конференции. Ч.1. – М., 2000. – 155 с.
35. Мадуров Д.Ф. Переднеазиатско-чувашские культурные параллели. С.360-382 // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Материалы научно-практической конференции. 19–20 декабря 2006 г. Книга 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009.
36. Михайлов С. Собрания сочинений. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – 510 с.
37. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т.4. Чебоксары: ЧКИ, 2009. – 317 с.
38. Никольский Н.В. Собрание сочинений в четырех томах. Т.1. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – 527 с.
39. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603. – Казань, 1978.
40. ПСРЛ т. XIX. История о Казанском царстве. – М.: Языки русской культуры, 2000.
41. Риттих. Материалы по этнографии России. Казанская губерния. Ч.2. – Казань, 1870.
42. Розенберг С.Г., Коломыц Э.Г., Экология ландшафтов волжского бассейна в системе глобальных изменений климата. – Н. Новгород: Интер-Волга, 1995. – 164 с.
43. Сазонов Б.И. Суровые зимы и засухи. –Л.: Гидрометеиздат, 1991. – 240 с.
44. Сбоев В.А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозных отношениях: (их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр.). – М.: Типография С. Орлова, 1865. – 188 с.

45. Скворцов М.И. Культура чувашского края. Ч.1. – Ч.: ЧКИ, 1994. – 351 с.
46. Смоленский А.В. Чувашские приметы о погоде и влияние ее на хозяйство. – Чебоксары: Библиотечка «Советской Чувашии», 1992. – 56 с.
47. Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды исторического музея. Вып. XIX. – М.: Издание Государственного исторического музея, 1951.
48. Татищев В.И. История Российская в семи томах. – М.- Л.; Наука, 1962. –Т.1.
49. Татищев В.Н. История Российская. – М., 1964.
50. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, Извлечения из сочинений арабских. Издано на иждивении графа С.Г. Строганова. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. Т.1.
51. Туганаев В.В. Агро-фитоценозы современного земледелия. – М.: Наука. 1984. – 88 с.
52. Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. – М., 1884.
53. Фокин П.П. Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине 19 – начале 20 вв. // Традиционное хозяйство и культура чувашей. – Чебоксары, НИИЯЛИЭ, 1988. –120 с.
54. Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея; первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон. –СПб.: тип. Имп. АН, 1869. –199 с.
55. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. – Казань, 1995.
56. Хузин Ф.Ш. О столице Волжской Булгарии домонгольского периода // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань : АН СССР Казанский научный центр, 1991. – 139с.
57. Цепков А.И. Рязанский край и соседние земли до середины XIII века. Т.2. – Рязань: «Александрия», 2010.
58. Шаландина В.Т. Влияние хозяйственной деятельности человека на растительный покров Татарии // Ботанический журнал, 1985. Т.70, № 6. – 752–760 с.
59. Ягафова Е.А. Самарские чувашы (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начала XX. – Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998. – 368 с., 14 карт, 38 ил.
60. Янушевич З.В. Палеоботанические исследования в древнейших земледельческих центрах // Природа, 1981. № 8. –128 с.
61. <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Chengiz-name/lit.phtml?id=1575>.
62. <http://www.khazaria.com/genetics/chuvashes.html>.